

ИЗ ИСТОРИИ СТРОФИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В статье рассматривается начальный этап в истории строфического переноса, представленный опытами русских поэтов XVIII-начала XIX вв. – В.К. Тредиаковского, А.Х. Востокова, А.Ф. Мерзлякова, В.А. Жуковского; показывается роль античной традиции в обогащении русской стиховой культуры.

В отечественном стиховедении общепризнано, что строфический перенос (enjambement – в дальнейшем enj) в сравнении с переносом строчным – явление относительно редкое и, добавим от себя, – практически не изученное ни в теоретическом, ни – тем более – в историческом плане. Автор настоящей публикации в докладе «Строфический перенос в русской поэзии (вопросы теории и истории)», прочитанном на IX Международной конференции «Славянский стих: лингвистика и структура стиха» (М., 2004), изложил методику выявления и описания структуры строфического enj¹, а также схематично очертил основные этапы его развития. Конечно, воссоздание полной картины почти трехвековой истории строфического переноса в русской поэзии требует целого комплекса исследований. Настоящая статья посвящена только двум связанным между собой эпизодам, приходящимся на начальный этап в этой истории.

По нашим данным, первые строфические переносы в русской поэзии появились у В.К. Тредиаковского. В его переводном (из Таллемана) романе «Езда в остров Любви» есть многочисленные стихотворные вставки (в «Избранных произведениях» поэта [5] они публикуются как самостоятельные стихотворения); в трех из них («Виделось мне, кабы тая...», «Радуйся, сердце! Аминта смягчилась...», «Это напрасно, что кто будучи в разлуке...») функционируют три строфические enj (по одному в каждом)².

Роман «Езда в остров Любви» был написан в 1730 г., за пять лет до трактата «Новый

и краткий способ к сложению российских стихов», поэтому сам реформатор русского стихосложения пока еще писал не ямбами и хорями, а силлабическими стихами. Строфические переносы возникали у Тредиаковского между равносложными (8-сложными) строфами

«Ах! – вскричал я велегласно,
Схвативши ее рукою,
Как бы то наяву властно, -
Вас было, Мила, косою

Ссечь жестока смерть дерзнула!³
<.....>

(«Виделось мне, кабы тая...»),

а также между разносложными (когда строки разной длины сочетаются в предсказуемой последовательности): 11-11-11-5 в 4-стишии

Радуйся, сердце! Аминта смягчилась,
Так что предо мной самым прослезилась.
Не вспоминай о твоём несчастье.
И без напасти

Начни твою жизнь отныне любите
<.....>

(«Радуйся, сердце! Аминта смягчилась...»)

и 13-13-7-7-7-7- в 6-стишии: «Это напрасно, что кто, будучи в разлуке. / Хочет пребыть навсегда в мучительной скуке. / Начто бытии в печали, / Чрез все дни, чрез все ночи, / Когда

¹ Строфический перенос мы выявляем по той же методике, что и строчные. Основываясь на иерархии силы синтаксических связей, разработанной М.Л. Гаспаровым и Т.В. Скулачевой [1,2], мы считаем, что enj как ритмико-синтаксическое явление возникает тогда, когда синтаксические вертикальные связи «оказываются сильнее горизонтальных, и он не возникает, если вертикальные связи по силе меньше или равны горизонтальным» [3, С.191-192]. Примеры описания структуры строфических enj представлены в нашей работе, посвященной строфическим переносам Вяч. Иванова [4].

² В ранее опубликованной работе о переносах Тредиаковского [6] мы ошибочно указали только два строфических enj, неучтенным оказался третий текст.

³ Здесь и далее словосочетания переносе подчеркнуты; слова, с которыми образуется синтаксическая связь, маркированы курсивом; знаком «/» разделяются, как обычно, строки, а знаком «//» – строфы.

те дни настали, / В которых из всей мочи // Хотя бы кто все кричал, но то безуспешно? / <...> («Это напрасно, что кто, будучи в разлуке...»). Первые в русской поэзии строфические enj представляли разные типы: contre-rejet (с-г) в примере первом; rejet (г) – в примере третьем; «сказовый», в нашей терминологии, когда в переносе участвуют короткие строки без внутрискривной паузы, – в примере втором. Синтаксические связи, разорванные границей строфы, были так же разнообразны: дополнительная – с дополнением косвенным (1), обстоятельственная (2), сверхсильная (3). С точки зрения семантики из трех процитированных текстов, на наш взгляд, особенно эффективен первый, в котором строфический enj маркирует фольклорную атрибутику образа смерти. Перенос в данном случае совмещает и выразительную и изобразительную функцию. Ярко выраженная семантическая нагруженность приема, свидетельствующая об осознанности его применения, может вызвать недоумение, поскольку общеизвестно, что Тредиаковский называл перенос «мерзким» и в «Эпистоле от Российской поэзии к Аполлину» ставл себе в заслугу его изгнание из поэзии. Нам уже приходилось писать о противоречиях между категорическими высказываниями Тредиаковского-стиховеда и разнонаправленной художественной практикой Тредиаковского-стихотворца [6, с/129-134], а также о том, что негативная оценка переносов объясняется отсутствием переносов в народной поэзии, которая, по признанию самого Тредиаковского, «довела» его до реформы русского стихосложения [7, с/133]. Наши интерпретации касались главным образом строчных enj. В связи с enj строфическими необходимо поставить вопрос генетического плана. Как могли появиться строфические переносы в эпоху становления русского классицизма, ориентированного, как известно, на французскую культуру, в том числе и стиховую культуру, в которой перенос считался «пороком», о чем сам Тредиаковский упоминает

в «Новом и кратком способе...» [5, с.369]. Представляется, что импульсом для создания стихов со строфическими переносами могла быть античная поэзия, в частности логоэдиические строфы Горация, Сапфо и других поэтов, у которых были многочисленные переносы – строчные и строфические⁴. В пользу этой гипотезы говорят следующие факты: 1) Тредиаковский знал латинский язык (в теоретических трактатах многочисленные цитаты по-латыни)⁴ 2) в «Новом и кратком способе...» (1735) после определения переноса («... не окончившийся разум в одном целом стихе и перенесенный в часть токмо следующего стиха...») следует добавление «Латини часто так переносят...»; 3) в итоговом трактате «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (1755) Тредиаковский приводит примеры горациановских и сапфических строф, что свидетельствует о его внимании к этим необычным формам. Однако, главным аргументом, подтверждающим нашу концепцию, являются опыты другого русского поэта и теоретика – А.Х.Востокова, автора знаменитого в свое время поэтического сборника «Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах» (ч.1, СПб, 1805; ч.2, СПб, 1806) и теоретического труда «Опыт о русском стихосложении» (1-е изд. СПб, 1812, 2-е изд. СПб, 1817).

Обращение А.Х.Востокова к проблеме передачи на русской почве античных логоэдов отечественные стиховеды – М.Л.Гаспаров [8], Е.Г.Эткинд [9], М.Ю.Лотман [10] – рассматривают в русле многочисленных новаторских устремлений поэта. Эти новаторские устремления проявились, в частности, при переводе од Горация. Сталкиваясь с необычными размерами оригинала (их перечень дан в работе М.Л.Гаспарова [11, С.424-428]), русский поэт главное внимание уделял метрическому облику строфы, о чем свидетельствует частое сопровождение переводов схемами и пометами «размером подлинника». В то же время поэт-переводчик заметил и особенности синтакси-

⁴ См.: например строфические enj в оде 14 из книги первой Горация, написанной асклепиадовой строфой, в оригинале и в русском переводе с латинского под ред. М.Л.Гаспарова: O navis, referent in mare te novi / fluctus. o quid agis? Fortiter occupa / portum. none vides, ut / nudum remigio latus // et malus celery saucius Africo / antemnaeque gemant as sine funibus / vix durare carinae / possint imperiosius // <...> [12]; О корабль, вот опять в море несет тебя / Бурный вал. Удержись! В гавани якорь свой / брось! Ужель ты не видишь, / Что твой борт потерял уже // Весла, - бурей твоя мачта надломлена, - / Снасти страшно трещат, - скрепы все сорваны, / И едва уже днище / Может выдержать грозную // Силу воли? <...> [13].

са оригинала, в частности, строфический перенос. «В Горациевых же стихотворениях видим мы еще одну особенность (общую ему и греческим лирикам), а именно: перенос смысла из строфы в другую,» - писал А.Х.Востоков в «Опытах лирических»⁵, демонстрируя рационально-логический подход к толкованию епј. Передать «перенос смысла из строфы в другую» было для начала XIXв. большой смелостью. Предшественники Востокова на это не решались. К примеру, у яркого поэта последней четверти XVIIIв. М.Н.Муравьева в переводах из Горация не было ни строфических, ни строчных епј. Другой поэт, В.В.Капнист, внедрил в переводные оды епј строчные, а строфические – не решился. А.Х.Востоков на это отважился. См. строчные и строфические переносы в оде «К кораблю», являющуюся переводом уже цитируемой 14-ой оды первой книги Горация

Не опять ли, корабль, волны *несут* тебя
В море? Ах придержишь якорем в *пристани*
Тихой. Разве не видишь:
 Обе скамьи лишены весл?

<.....>

Ветрил нет у тебя целых, и нет уже –
 Коих можно б призвать в нужде – богов твоих.
 Тщетно родом гордишься,
 Что *из* славных Понтийских *сосн*

Ты состроен. Вотще хвалишься именем:
 <.....> [14]

Как видим, Востоков создал логоэдические строфы со строчными и строфическими переносами типа г. Похожая картина в других переводных одах из Горация («К Иуллу-Антонию о Пиндаре», «К мекенату о спокойствии духа») и в «подражании Гердеру» («Третья грация»). Всего у Востокова в переводных одах 5 строфических епј.

Типологически близки Востокову опыты переводов античных логоэдических строф А.Ф.Мерзлякова, ратовавшего, как отмечал Ю.М.Лотман [15, С.44], за обращении к античной поэзии напрямую, минуя французс-

ких посредников. В переводной (из Горация) оде «К Пирре», <1826>, Мерзляков создал 6 переносов, три из них – строфические:

Страстным бы пиры не верить улыбкам,
 Льстивым вздыханьям коварного ветра!..
 Ныне любезен; завтра

Ласки другому..» <...> [15]

В этом же стихотворном стиле он перевел оду Горация «К Лицинию», где один строфический епј (« <...> Насылает зимы / Юпитер; он же // Гонит их в север. Огорченье – ныне <...>»), а также стихотворение «от Сафы» «Гимн Венере», <1826>, в котором появился редкостный в русской поэзии, в нашей терминологии, строфический «затяжной» «левый» перенос

В колеснице (что легче воздуха,
 Кою быстрые, красовитые
 Мчат воробушки, часто крылами
 Ударяючи по златым зыбям
 Неба дальнего)

Низлетала ты – многодарная <...>

Такие экстравагантные переносы культивировал позднее Ап. Григорьев, и еще позднее – И. Бродский (о «затяжных» и «левых» епј см. в наших работах [16; 17]).

Ритмико-синтаксические ходы, найденные в процессе воссоздания оригинала, использовались и в оригинальном творчестве. В частности, у Востокова два строфических епј появились в «новгородской басне» «Полим и Сияна», 1811 (опубл. 1812). Один из них интересен тем, что демонстрирует ранний образец дактилического словораздела в нижней строке у типа **d-r**: «<...> И в свете никому // Уж не завидуют – блаженны!», другой – ранний образец строфического затяжного **r**

<.....>

И тихий вечер провождала
 С любезным пастухом сам-друг.
 Но при прощаньи ускользала
 Вмиг у него из рук –

⁵ Текст «Опытов лирических» цит. по статье Е.Г.Эткинда [9, С.52]

И в воду, пенными буграми
Мгновенно влагу разделив.
<...>

Последний епј благодаря своей экспрессии, скорее всего, был замечен младшим поколением поэтов, среди которых был М.Лермонтов. Во всяком случае, знаменитый строфический епј из «Тамбовской казначейши» (1838) очень напоминает восточковский: «затяжной» r, маркированный знаком тире. Ср.:

<.....>
Она на мужа посмотрела
И *бросила* ему в лицо
Свое венчалное кольцо –

И в обморок. <...>

Наши наблюдения над опытами Востокова и Мерзлякова позволяют предположить, что в XIX в. к античной традиции восходит также епј между разноstopными амфибрахическими строфами «Теона и Эсхина», 1814, В. Жуковского

Что может разрушить в минуту судьба,
Эсхин, то на свете не наше;
Но сердца нетленные блага: *любовь*
И *сладость* возвышенных мыслей –

Вот счастье; о друг мой, оно не мечта.

Как отметил А.С.Янушкевич, поэт в работе над этим не переводным, а оригинальным произведением, старался наполнить текст реалиями античного мира [18, С.427-429]. В свете сказанного, строфический епј – это метроритмическая реалья античной культуры, живущая в художественном мире Жуковского в системе других реалий.

В заключение отметим, что в XVIII- начале XIX вв. оригинальное и переводное творчество не разграничивалось, поэтому переводные произведения были фактом русской поэзии, а созданные новые стихотворные приемы – фактом русского стиха. Рассмотренные нами два эпизода в истории русского строфического переноса, прямо (Востоков, Мерзляков) или косвенно (Тредиаковский, Жуковский) связанные с усвоением поэтики античных логоэдических строф, наглядно показывают значение историко-культурной традиции для развития национального стихосложения.

Список использованной литературы:

1. Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Ритм и синтаксис в сырбодном стихе // Очерки истории языка русской поэзии XX века. М.: Наука, 1993. С.191-193.
2. Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2004. С.170-201.
3. Матяш С.А. Стихотворный перенос: К проблеме взаимодействия ритма и синтаксиса // Русский стих: В честь 60-летия М.Л.Гаспарова. М.: Российск.гос.гуманит.ун-т, 1996. С.191-192.
4. Матяш С.А. Строфические переносы Вячеслава Иванова // Филологические чтения / Материалы международной науч.конф. Оренбург, 2007. С.249-255.
5. Тредиаковский В.К. Избранные произведения / Вступ.ст. и подг.текста Л.И.Тимофеева; примеч.Я.М.Строчкова. М.-Л., Сов. Писатель, 1963. Тексты Тредиаковского цит. по этому изданию.
6. Матяш С.А. «Мерзкие» переносы Тредиаковского // В.К.Тредиаковский: К 300-летию со дня рождения. С-Петербургский науч.центр РАН. СПб, 2004. С.114-134.
7. Матяш С.А. Новый аргумент в старой проблеме (к вопросу о национальных истоках русского стихосложения) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003, №4. С.4-6.
8. Гаспаров М.Л. Народный стих А.Востокова // Поэтика и стилистика русской литературы. Л. Наука, 1972. С.437-443.
9. Эткинд Е.Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л. Наука, 1973. С.28-54.
10. Лотман М.Ю. Метрика и строфика А.Х.Востокова // Русское стихосложение XIX в. М.: Наука, 1979. С.115-144.
11. Гаспаров М.Л. Стихотворные размеры Горация // Гораций Флакк Квинт. Оды. Этюды. Сатиры. Послания / Перевод с лат. Под ред. М.Л.Гаспарова. М.: Худож.лит., 1970. С.424-428.
12. www/horatius.ru
13. Гораций Флакк Квинт. Оды. Этюды. Сатиры. Послания / Перевод с лат. Под ред. М.Л.Гаспарова. М.: Худож.лит., 1970. С.62.
14. Востоков А.Х. Стихотворения / Ред..вступ.ст. и примеч. Вл.Орлова. Л.: Сов.писатель, 1935. С.299. Тексты Востокова цит. по этому изданию.
15. Мерзляков А.Ф. Стихотворения / Вступ.ст., подгот.текста и примеч. Ю.М.Лотмана. Л.: Сов.писатель, 1958.
16. Матяш С.А. «Затяжной» перенос в русском стихотворном эпосе / Славянский стих. VII: Лингвистика и структура стиха. М.: Языки славянской культуры, 2004. С.206-220.
17. Матяш С.А. Левизна Пушкина в переносах // Стих, язык, поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М.: Российск.гос.гуманит.ун-т, 2006. С.415-424.
18. Янушкевич А.С. Теон и Эсхин <Комментарий> // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем в 20-ти томах. Т.1. М.: Языки русской культуры, 1999. С.727-729.